

Богданов К.А.

Санкт-Петербург, Россия

О ЧИСТОТЕ И НЕЧИСТИ.
СОВПОЛИТГИГИЕНА

УДК 81'27

ББК III 100.3

Аннотация. Рассмотрены метафоры со сферой-источником «грязь/чистота» в советской политической коммуникации. Показано, что упоминания о «капиталистической», «фашистской» «буржуазной», «заграничной» нечисти типично для советского дискурса и придают политическим инвективам мифологическую образность, исключая какую-либо рациональную силлогистику в интерпретации «западного мира».

Ключевые слова: метафора, Советский Союз, грязь, болезнь, политические враги, советская пропаганда, сексопатология.

Сведения об авторе: Богданов Константин Анатольевич, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук.

Контактная информация: 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

E-mail: Konstantin.Bogdanov@uni-konstanz.de.

Bogdanov K.A.

Saint-Petersburg, Russia

ON CLEANLINESS AND FILTH.
SOVIET POLITICAL HYGIENE

ГЧТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.01

Abstract. The article describes metaphors with source domain «dirt/cleanliness» in the Soviet political communication. It is typical of the Soviet discourse to constantly refer to different «capitalistic», «fascist», «bourgeois», «foreign» filth and it helps political invectives become more mythologically colored thus denying any logic syllogistic in interpreting the «Western World».

Key words: metaphor, Soviet Union, dirt, disease, political enemies, Soviet propaganda, sexopathology (sexdisorder).

About the author: Bogdanov Konstantin Anatolievich, doctor of philology, professor.

Place of employment: Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of Russian Academy of Sciences

О содержательных особенностях советской пропаганды написано много: просоветски настроенные исследователи не скупались на апологетические рассуждения о само собой разумеющейся убедительности пропагандистской силлогистики, антисоветские – на сатирические наблюдения насчет ее абсурдности. Реже писалось о том, что коммуникативная эффективность риторического убеждения достигается не только силлогистическими, но и эмоциональными возможностями речевого воздействия, прежде всего – пафосом метафорической и символической речи, опорой на доверие и аргументацией «от очевидного» (Настоящая статья является фрагментом книги, специально посвященной последней проблеме и готовящейся к выходу в издательстве «Новое литературное обозрение»). Применительно к «совокупному тексту» советской идеологии показательными примерами такой эффективности может служить использование экспрессивных и рационально не верифицируемых метафор в функции научных и идеологических терминов. Ниже речь пойдет об одном из таких примеров: о метафоре гнилости и заразы, широко представленной, с одной стороны, в «научных» текстах советской эпохи по политической экономике, а с другой, – в литературных и публицистических текстах, касавшихся сферы идеологии, культуры и быта.

Доктринальное для советских общественно-исторических и экономических дисциплин определение и истолкование империализма восходит к работе Ленина «Империализм и раскол социализма» (1916): «Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) – монополистический капитализм; (2) – паразитиче-

ский или загнивающий капитализм; (3) – умирающий капитализм» [Ленин 1969 Т 30: 163, Т 27: 369]. Метафоры гниения в ленинском лексиконе многочисленны и многообразны, см., например: «Рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли [...] революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть... путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением учреждениям» [Ленин 1969 Т. 9: 254].

Приведенные ленинские слова можно было бы считать не более, чем бранным курьезом, если бы они на десятилетия не стали общеобязательными к *буквальному воспроизведению в качестве научной дефиниции* в школьных и вузовских учебниках, научных монографиях и публицистических текстах. Рассуждения и даже просто упоминания о капитализме редко обходились без эпитета «загнивающий», создавая устойчивую «гигиеническую» (или точнее, антигигиеническую) топику общественно-политического дискурса. Можно гадать об источниках ленинского «определения» – скорее всего, их нужно видеть в расхожем уже для XIX века противопоставлении больного Запада и здоровой России. Инвективная метафорика антизападников и традиционалистов, православных проповедников, славянофилов и народников пестрит «медицинскими» определениями «болезней», мучающих Европу и чреватых для России. По-

литический и культурный мир Запада «разлагается», «гниет», «умирает» и тому подобное [подр: Богданов 2005: 199-213]. С оглядкой на инерцию таких предостережений Николай Данилевский вынес в название одной из глав своего фундаментального труда «Россия и Европа» (1869) вопрос «Гниет ли Запад?» (заверяя далее читателя, «что явлений полного разложения форм европейской жизни, будет ли то в виде гниения, то есть с отделением зловонных газов и миазмов, или без него – в виде брожения, еще не замечается») [Данилевский 1889] (См. рассуждения Иринарха Потугина из «Дыма» Тургенева (1867): «А сойдется десять русских, мгновенно возникает вопрос [...] о значении, о будущности России. [...] Ну, и конечно, тут же, кстати, достанется и гнилому Западу» [Тургенев 1981. Т. 7: 270]), а Константин Леонтьев изрек в 1880 году (под впечатлением от взрыва бомбы в Зимнем дворце) приснопамятную сентенцию о необходимости «подморозить хоть немного Россию, чтобы она “не гнила”» [Леонтьев 1996: 246].

Контекст таких определений, впрочем, мог быть и шире: достаточно вспомнить хотя бы шекспировский афоризм, слова Марцелло из Гамлета: «Прогнило что-то в Датском королевстве» (акт 1, сцена 4, в оригинале: «Something is rotten in the state of Denmark»), – пьесы, заметим попутно для любителей интертекста, занятно перекликающейся (в сценах с призраком, являющимся Гамлету) также с текстом «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса, возвестившими о приходе «призрака коммунизма» [напр: Guldin 2000; Buruma, Avishai 2004]. В 1930-е годы использование медико-гигиенических сравнений в политическом лексиконе широко распространяется в нацистской пропаганде, тексты которой пестрят упоминаниями о еврейской заразе, «гнойниках» и «язвах» либерализма, «трупном яде» марксизма и так далее [Winckler 1970: 84 f; Heid 1995: 240]. Советская пропаганда здесь, как и во многих других случаях, оказывается производящей схожие инвективы [Weiss 2003: 311-361]. Специально о пропагандистском использовании медико-биологического дискурса [Вайс 2008: 16-22]. Автор, к сожалению, обходит вниманием доктринальные тексты о «гниении» капитализма и почему-то считает, что «особенно популярным» в советской пропаганде «было слово “паразит”, которое оставалось центральным ругательством до конца существования языка советской политической пропаганды» [Вайс 2008: 17]. Между тем, использование «паразитарных» сравнений, хотя и содержится уже в ленинском определении империализма, экстенсивно популяризуется только после принятия в 1961 году указа «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический

образ жизни» и последовавших за ним законов об уголовной ответственности за бродяжничество, попрошайничество и «ведение иного паразитического образа жизни» (статья 209 УК РСФСР). При интересе к «инсектным» метафорам советского политического дискурса Вайс не упоминает также о пионерском исследовании на ту же тему [Орлова 2003. Bd. 49: 309-346].

В языковой ретроспективе советской эпохи метафорика гнилости и умирания стала исключительно продуктивной для ее специализированно «научного» (преимущественно – политико-экономического) использования, но эффективность связанного с ней словоупотребления охватывает и те случаи, когда речь заходит о необходимости осуждения чего бы то ни было как идеологически чужого – не обязательно (про)западного, но обязательно не- или антисоветского. В 1931 году излюбленные Лениным «гигиенические определения» соответствующим образом дополнил Сталин. В «Письме в редакцию журнала “Пролетарская революция”» («О некоторых вопросах истории большевизма») Сталин, понося историка А. Слуцкого и вместе с ним всех тех, кто видел в троцкизме одну из фракций коммунизма, а не «передовой отряд контрреволюционной буржуазии», заявлял, что сама дискуссия с «фальсификатором» партийной истории стала возможной как проявление «гнилого либерализма», «имеющего теперь среди одной части большевиков некоторое распространение» [Сталин 1951. Т. 13: 84-102]. «Письмо» Сталина незамедлительно обрело статус программного документа о надлежащем изучении истории, а слова о «гнилом либерализме» стали расхожей инвективой в адрес очередных жертв идеологических чисток [Напр: Бертагаев, Еромоленко, Филин. 1932. № 3: 3 («гнилой либерализм партруководства»); Морозов 1932: 1]. Раскритикованный Сталиным, А.Г. Слуцкий (1894-1979), несмотря на его публичные покаяния, был в том же году исключен из «рядов общества историков-марксистов», а в 1937 году репрессирован. Подробнее о последствиях письма Сталина для советских историков [Литвин 1994].

Помимо Ленина и Сталина, в склонности к закреплению в советском общественно-политическом дискурсе метафор гниения, разложения и заразы особая роль должна быть отведена Максиму Горькому, чьи публицистические тексты 1930-х годов едва ли не психотично варьируют нехитрый набор «(анти)гигиенических» и медицинских сравнений.

«Фашизм [...] есть не что иное, как попытка укрепления разрушающегося, изгнившего капиталистического строя» («Работнице и крестьянке», 1933).

«Расовая теория – последний “идеологический” резерв издыхающего капитализма, но гнилое дыхание его может отравить даже здра-

вомышляющих людей» («Пролетарский гуманизм», 1934).

«Человечество не может погибнуть оттого, что некое незначительное его меньшинство творчески одряхлело и разлагается от страха пред жизнью и от болезненной, неизлечимой жажды наживы. Гибель этого меньшинства – акт величайшей справедливости, и акт этот история повелевает свершить пролетариату» («Пролетарский гуманизм», 1934).

«Неизбежны все и всяческие мерзости, истекающие из гноиника, называемого капитализмом. Но против этого гноиника, все яснее освещая его отвратительное, тошнотворное, кровавое паскудство, встает и растет уже непобедимое» («Литературные забавы», 1934).

«Нам хорошо известно, какой гнилью нагружена душа буржуазной личности» (доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей, 1934).

«Путь пролетариата к победе становится все шире, все более ясно виден [...] Но капитализм все еще жив и действует, отравляя зловонием людей, созданных им, воспитанных на его гнилой и грязной почве» (Третьему краевому съезду советов, 1935) [Горький 1953. Т. 27: 28, 239, 241, 275, 313, 389].

Такие примеры можно множить, но публицистический энтузиазм советского классика не ограничивался пусть и отталкивающим, но все же несколько абстрактным словоупотреблением. В стремлении конкретизировать полюбившиеся сравнения Горький апеллировал к общепонятной образности и «диагностическим» данным, демонстрируя незаурядный интерес к сфере психиатрии и особенно сексопатологии.

«Капитализм насилует мир, как дряхлый старик молодую, здоровую женщину, оплодотворить он ее уже не может ничем, кроме старческих болезней» («О культурах», 1935).

«Парады фашистов [...] – это парады рахитичной, золотушной, чахоточной молодежи, которая хочет жить со всею жаждой больных людей, способных принять все, что дает им свободу выявить гнойное кипение их отравленной крови. В тысячах серых, худосочных лиц здоровые, полнокровные лица заметны особенно резко, потому что их мало» («Пролетарский гуманизм», 1934) [Горький 1953. Т. 27: 466, 236].

Но и это, как выясняется, еще не все: «Уже сложилась саркастическая поговорка, – напоминает Горький: “Уничтожьте гомосексуалистов – фашизм исчезнет”», тогда как в СССР – «в стране, где мужественно и успешно хозяйствует пролетариат, гомосексуализм, развращающий молодежь, признан социально преступным» («Пролетарский гуманизм», 1934) [Горький 1953. Т. 27: 238]. Запрет гомосексуализма в СССР получил юридическое оформление 7 марта 1934 года (по этому закону обвиняемым в действиях гомосексуального характера грозило тюремное заключение от 4-х до 5 лет). Убеждение о связи гомосексуализма и

фашизма высказывалось в 1930-е годы многими представителями левого движения и наиболее последовательно изложена у Вильгельма Райха, рассматривавшего гомосексуализм как отклонение, психологически характеризующее фашизм [Oosterhuis 1995: 227-257; Dean 2004: 4]. Не исключено, впрочем, что Горький повторил знаменитые слова Муссолини о штурмовиках Эрнста Рёма (известного своим гомосексуализмом) как о «criminaliepederasti», то есть «преступниках и педерастах» [Santis 2007]. Стоит заметить, что принятие советского антигомосексуального закона (7 марта 1934 года) интригующе совпадает с датой официального прихода нацистов к власти в Германии [Nemtsev 2008: 17]. Статья Горького опубликована в мае, то есть за месяц до «ночи длинных ножей» – устранения Рёма и его окружения. В годы войны тему гомосексуализма применительно к нацистам подхватит Илья Эренбург (в очерке «Три года» (1944)), попадет она и в документы, предназначенные для служебного использования [Ауэрбах 1943].

В доказательство того, что «мир буржуазии... психически болен», приводится ссылка на «сообщение одной из газет»:

«Никогда еще количество сумасшедших не было так велико в Америке, как сейчас. Один видный психиатр высчитал, что, если распространение душевных заболеваний будет и впредь идти тем же темпом, через семьдесят пять лет [то есть к 2008 году, отсчитывая от времени написания Горьким цитируемого текста – К.Б.] половина всего населения С.Штатов будет сидеть в сумасшедших домах, а другой половине придется работать на их содержание» («О воспитании правдой», 1933) [Горький 1953. Т. 27: 58].

Но западный мир не только болен – он стремится заразить других, ведь его слуги «организуют новую всемирную бойню на земле, на воде, под землей, в воздухе с применением ядовитых газов, бактерий чумы и других эпидемий» («Пролетарская ненависть», 1935) [Горький 1953. Т. 27: 473].

Советское общество, в отличие от западного, призвано, по Горькому, демонстрировать *тотальное* здоровье, а такое здоровье – здоровье, столь же буквальное, сколь и метафорическое. «Здоровье» физкультурных праздников соотносится в такой риторике со «здоровьем» партийных «чисток», санация тела с санацией природы и общества. Из составленной Горьким вступительной статьи в книге «Беломоро-Балтийский канал им. Сталина» (1934) читатель узнавал о том, что хотя на строительстве канала и «был сосредоточен весь гной, который отцедила страна» [Беломоро-Балтийский канал им. Сталина 1934: 69], но благодаря сотрудникам государственного политического управления при НКВД – «гвардии пролетариата, людям железной дисциплины и той поразительной душевной сложности, которая дается лишь в ре-

зультате тяжелого и широкого житейского опыта», – происходит благодетельный «процесс оздоровления» заключенных («социально больных и “опасных” людей»), о чем они, конечно, вполне могли бы поведать и сами, но пока «о многом, что пережито ими, они еще не в силах рассказать по очень простой, чисто технической причине: им не хватает запаса слов, достаточного для оформления разнообразных и сложных процессов “перековки” их чувств, мыслей, привычек» («Правда социализма», 1934) [Горький 1953. Т. 27: 126].

Угроза заразы объединяет мир природы и мир идеологии. Обращаясь к писателям, Горький наставляет их научиться различать в своих рядах и остерегаться пассивных «зрителей», уклоняющихся от участия в социалистическом строительстве, «ибо укусы трупной мухи могут вызвать общее заражение крови» («О зрителе», 1933) [Горький 1953. Т. 27: 114], а поучая школьников, объясняет им вред насекомых, грызунов и сорняков, не совместимых с советским государством:

«В нашем государстве не должно быть насекомых, опасных для здоровья людей, сорных трав, истощающих соки земли, вредителей лесов и хлебных злаков... не должно быть места саранче, пожирающей хлеб, комарам, которые прививают людям лихорадки, мухам, распространяющим болезни, насекомым, истязавшим домашний скот» [Горький 1953. Т. 26: 198].

Лексико-стилистические пристрастия Горького индивидуальны, но не уникальны. Современникам пролетарского писателя постоянно напоминали как о том, «что здоровый, нормальный организм мыслим только в социалистическом обществе» [Комаров 1936: 11], так и о контексте идеологически рекомендуемого словоупотребления метафор гнили и заразы. Так, если в появившемся в 1936 году тексте «Гимна партии большевиков» (слова Василия Лебедева-Кумача, музыка Александра Александрова) пелось:

«Изменников подлых *гнилюю* породу

Ты грозно сметаешь с пути своего.

Ты гордость народа, ты мудрость народа,

Ты сердце народа и совесть его»,

то газетные передовицы следующего года цитировали Ворошилова: «Очищая свою армию от гнилой дряни, мы тем самым делаем ее еще более сильной и неуязвимой. Армия укрепляется тем, что очищает себя от скверны» (Правда. 1937. 13 июня). Гигиенические наставления закономерно прочитываются на этом фоне как дополнительные к идеологическому перерождению, делающему возможным и необходимым избавление от всевозможных «язв» прошлого и настоящего [Starks 2008]. Если идейное здоровье обратимо к физическому (попутно обязывая к надлежащей цензуре собственноручно медицинских статей о самочувствии советских граждан) [См., напр: Блюм 2000: 142].

(Один из многочисленных примеров такого рода: задержанная в 1933 году цензурой статья «Жилищные условия туберкулезных bacilloносителей в Ленинграде» (предполагавшаяся к публикации в «Трудах Ленинградского туберкулезного научно-исследовательского института»), рисующая, по мнению цензоров, «крайне мрачную картину обеспеченности жилплощадью в bacиллярных районах в Ленинграде»), то партийные и судебные «чистки» ведут к оздоровлению общества и, в свою очередь, к оздоровлению тела [Харходин 2002: 163-165].

Муслирование физиологических и медико-гигиенических метафор в определении капиталистического мира и, в конечном счете, всего не- или антисоветского кажется в этих случаях эффективным не только в плане эмоционального воздействия, но и с точки зрения их «телесной» референциальности. Болезнетворная «гниль» Запада маркирует советскую «чистоту» и оценивается как атрибут идеологической практики, обязывающей к «телесному» и – уже потому – ритуализованному противопоставлению «чужого» и «своего». Никакие оговорки на предмет отдельных достижений капиталистического мира не меняют общей картины враждебного «гниения»:

«То обстоятельство, что империализм есть загнивающий капитализм, не исключает элементов роста и развития отдельных областей, отдельных моментов науки и техники. Больше того, именно этот рост, усиливающий противоречия капитализма, и ведет к неизбежности его конца» [Яновская 1934.].

Враждебный к советской идеологии мир обнаруживает гниение и телесное разложение повсеместно: в политике, науке, искусстве и литературе, музыке, повседневном быту.

«Было бы убедительнее, если бы писатель показал нам не только созревший уже или почти созревший бытовой или общественный нарыв, а также и те условия, в которых гнойник начался и назревал, постепенно втягивая в свою испорченную ткань все новые клеточки. [...] То произведение пролетарской литературы, которое, выявляя или бичуя болезненные процессы в партийной и рабочей среде, не показывает с полной убедительностью этой главной причины разложения и перерождения, заранее обречено на неудачу, неизбежно будет представлять перспективу развития пролетарского общества искаженным» [Родов 1930: 231-232].

«С тех пор прошло примерно четверть века, и данный Лениным марксистский анализ капитализма получил бесчисленное количество подтверждений практического и научно-теоретического характера. С тех пор обнажились многие зияющие трещины и зловонные гнойники во всем организме капиталистического общества» [XXII годовщина 1939: 5].

«Все это рисует Пруста как художника, глубоко апологетически относящегося к своему загнивающему миру, смакующего его, несмотря на тление, которое он же сам ощущает и воспроизводит» [Гальперина 1935].

«Загнивающий капитализм на империалистической стадии своего развития породил мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики» (Речь академика И. Презента // Ленинградская правда. 1947. 6 марта).

«Современные идеалистические философские системы со всей полнотой раскрывают маразм, зловонное гниение буржуазной культуры, показывают всю глубину идейного падения буржуазии» [Острянин 1952].

«Почему же возможны столь абсурдные картины, столь абсурдное, на первый взгляд, соединение искусства и религии? Но это закономерно, ибо общий процесс загнивания буржуазной идеологии находит в этом свое конкретное выражение» [Яковлев 1977].

«В начале 1970-х гг. индексы капиталистического производства, инвестиций говорят о значительном росте, но это, в свою очередь, не значит, что загнивания больше нет» [Драгилев 1974: 252].

Дисциплинарные, дискурсивные и ситуативные различия в этих случаях не играют существенной роли, так как единственно существенным признаком, предопределяющим идеологически безошибочное различение «своего» и «чужого» во всяком случае является не различие слов, а разделение тел – «здоровых» и «чистых» от «больных» и «разлагающихся». Экстенсивно тиражируемые в советском политическом социолекте оговорки о надлежащем «чутье», помогающем советскому человеку безошибочно отличать «свое» от «чужого», кажутся, с этой точки зрения, неслучайными, подразумевая, что идеологическими ориентирами в самом этом различении выступают не столько рационально-оценочные, сколько телесные, а именно «ольфакторные» характеристики чужого (наподобие тех, что в русской сказке настояраживают Бабу-Ягу при встрече с человеческим «духом»). Прагмасемантика такого противопоставления может считаться универсальным и, как показывают этнографические исследования традиционных культур, необходимым условием ритуалов, призванных к формализации коллективной идентичности. Важнейшим из таких исследований стала книга Мэри Дуглас «Чистота и опасность» (1966), привлекая внимание этнографов, антропологов и социологов к значению «гигиенического» фактора в конструировании базовых правил схематичного упорядочивания социального опыта. Ритуальное различение «чистого» – «нечистого» соответствует при этом, как показала Дуглас, различению определенности и неопределенности, областей формализации и неформализуемых аномалий.

Опасность «нечистого» заключена в опасности классификационных осложнений, нарушении формализованной ориентации, «смешении» дифференцирующих маркеров идеологически опознаваемой реальности. Не удивительно поэтому, что ритуальное табуирование «нечистого» охватывает такое пространство социальной и культурной референции, в котором самые различные вещи и явления оказываются объединенными по признаку их (в)нерационализуемости и (в)несистемности.

В русской культуре представления о чистоте поддерживались инерцией традиционных практик «коллективного очищения» и особенностями традиционного дискурса власти, устойчиво тяготеющего, как убедительно показал в ряде работ Дмитрий Захарьин, к воспроизведению *вневербальных* маркеров социального взаимодействия [Захарьин 2007: 135-176]. Ритуальные (или квазиритуальные) стереотипы, обязывающие к демонстрации «чистоты» власти (в том числе и буквальной – в культивировании «банных» церемониалов, символически объединяющих ее представителей), о которых пишет Захарьин, напоминают в этих случаях как о семантических амплификациях мусора и грязи в роли давних уже социальных и идеологических метафор [См., напр: Corbin 1982; Кушкова 1999: 240-272], так и о фольклорной традиции персонифицируемой «нечисти», собирательно обозначающей таких мифологических персонажей, чей облик характеризуется «принципиальной» неопределенностью и изменчивостью. В русском фольклоре таковы леший, боровой, лозатый, моховик, полевик, луговик, межник, водяной, омутник, русалка, вировник, болотник, зыбочник, веретник, травник, стоговой, дворовой, домовой, овинник, банник, амбарник, гуменник, хлебник, запечник, подпольник, голбешник, мара, кикимора и многие другие обитатели соответственно «нечистых» мест – пустошей, чащоб, трясин, болот, перекрестков, пещер, ям, водоворотов и омутов, подпольев и чердаков, мест за и под печью, овинов, хлевов и так далее [см.: Черепанова 1983; Власова 1995].

В общественно-политических контекстах советской поры метафоры «нечисти» закрепляются первоначально за представителями старорежимного прошлого. Среди ранних примеров такого словоупотребления – плакат Виктора Дени по рисунку Михаила Черемных «Товарищ Ленин очищает землю от нечисти» (1920), добродушно изображающий улыбающегося вождя революции, стоящего на земном шаре и выметающего метлой царя, попа, генерала и банкира. М.Ф. Николаева усматривает в этом изображении карикатурность ленинского образа, объясняя ее тем, что «канон для изображения фигуры вождя еще не утвердился» [Николаева 2002: 73]. С этим мнением трудно согласиться: в массовом потоке изображений Ленина не только в 1920-е, но и в 1930-е годы

вождь революции предстает мало похожим на монументально-сурового творца революции, каким он станет в 1960-1970-е годы.

Позднее сфера «нечисти», угрожающей социально-политическому благоденствию СССР, станет обширнее, пополнившись недобитками белогвардейцев («белогвардейская нечисть»), пособниками империализма и фашизма, «врагами народа» и асоциальными маргиналами. В том же контексте стоит оценить и такое словосочетание, как «гнилая интеллигенция», употребление которого хотя и выглядит формально табуированным, но в своем фольклоризованно расхожем распространении также указывает на носителей опасной для общества идеологической «заразы», а содержательно вполне дублирует вышеприведенные слова Сталина о «гнилом либерализме».

Илл. 1. «Товарищ Ленин очищает землю от нечисти». Плакат Виктор Дени по рисунку Михаила Черемных, 1920 год.

В истории советской культуры инвективы в адрес интеллигенции подпитываются разными обстоятельствами, но в целом сводятся к представлению о прагматической непредсказуемости и избыточной сложности «интеллигентского» мировоззрения. Уже по самому своему определению интеллигенция (как группа «сомневающих» и излишне «раздумывающих» – от латинского *intellego*) осложняет идеологический порядок тем, что привносит в него чрезмерную дополнительную ценность – этической и эстетической – дифференциации и, тем самым, нарушает искомую простоту идеологической прагматики. Упоминания о гнилой интеллигенции в этом значении восходят еще к дореволюционной истории: именно этим словосочетанием, если верить дневнику фрейлины императорского двора Анны Тютчевой, раздраженный

Александр III оценил советы либеральной прессы проявить милосердие к народовольцам, причастным к убийству его отца. «Что за отвращение вся эта петербургская пресса – именно гнилая интеллигенция» [Тютчева 2004]. Спустя полвека те же слова повторил кинематографический Василий Чапаев (в одноименном фильме братьев Васильевых 1934 года), давший, как кажется, решительный стимул для их последующей фольклоризации. В фильме, зрителями которого стали миллионы советских людей, Чапаев обращает к Фурманову обвинение, которое при всей кажущейся комичности может считаться прецедентным для массовой советской идеологии; легендарный герой гражданской войны негодует здесь на комиссара за то, что тот заступился за фельдшера, отказавшегося экзаменовывать на доктора деревенского коновала: «Гнилую интеллигенцию поддержи-вай!»

С особенным размахом метафоры «гниение» и «нечисти» муссируются на страницах газет и журналов второй половины 1930-х годов применительно к «врагам народа», облик которых, как и облик фольклорной нечисти, переимчив и труднопредсказуем. По справедливому наблюдению Даниила Вайса, метафорические предпочтения советской пропаганды обнаруживают при этом определенную особенность: в отличие от нацистской пропаганды, не менее охотно прибегавшей к медико-гигиеническим метафорам в обличении евреев, цыган и коммунистов, в русском языке довоенной поры лексема «нечисть» адресуется не столько к заведомо известным «чужим» (капиталистам, помещикам, попам, кулакам), сколько к тем, кто таит свою вражескую сущность под маской «своего» [Вайс 2008: 20.]. Чтобы обнаружить врага, нужно «сорвать с него маску», и тогда под личиной советского гражданина обнаружится вредитель, саботажник, шпион и диверсант:

«Суд неопровержимо установил, что “правотроцкистский блок”, возглавлявшийся Бухариным, Рыковым, Ягодой [...] вобрал в себя все гнилое, все обанкротившееся отребье побежденного капитализма».

«Могины ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа. [...] Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем – великим Сталиным – вперед и вперед, к коммунизму!» [Цит. по: Приговор народа 1938: 141, 144].

«Враги народа, орудовавшие тогда в промышленности, всячески тормозили развитие промышленности. [...] Но, когда промышленность очистилась от гнусной вражеской нечисти – вредителей, диверсантов, шпионов – и к

управлению производством прошли новые кадры, преданные великому делу Ленина-Сталина, промышленность стала работать больше, лучше, производительнее» (Легкая индустрия. 1940. 21 июля. № 167(2417).

Военные годы привносят в общественно-политическое красноречие словосочетание «фашистская нечисть» (как, например, в знаменитой песне на слова Василия Лебедева-Кумача и музыку Александра Александрова «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой. Гнилой фашистской нечисти загоним пулю в лоб, отребью человечества сколотим крепкий гроб!»). Менее известно, что стихотворный текст Лебедева-Кумача в данном случае незначительно варьирует гораздо более ранний «антинемецкий» текст, написанный в 1916 году Александром де Бодэ (1865-1938). По сообщению дочери Бодэ, ее отец, уверенный в неизбежности войны с фашистами, послал свое стихотворение Лебедеву-Кумачу в конце 1937 года, незадолго до своей смерти. В тексте Бодэ речь идет о «тевтонской нечисти» [Азаренков www]. В 1943 году визуальным выражением такой образности станет антифашистский плакат уже упоминавшегося Виктора Дени «Красной армии метла, нечисть выметет дотла».

Илл. 2. «Красной армии метла, нечисть выметет дотла». Плакат Виктора Дени, 1943 год.

Политики, пропагандисты и агитаторы последующих лет снижают накал «политико-мифологических» инвектив, но в целом остаются верны уже сложившейся традиции именовать «нечистью» тех, кто почему-либо подразумевается враждебным социализму и советской власти. Упоминания о «капиталистической», «фашистской» «буржуазной нечисти из-за границы» по-прежнему дополняют доктринально неизменный дискурс о «загнивающем капитализме» и придают политическим инвективам вполне мифологическую образность, исключаящую какую-либо рациональную силлогисти-

ку в интерпретации «западного мира» [см., напр: Хрущев 1963: С. 7]. В воображаемой картографии, призванной отделить собственно советское от капиталистического, «свое» от «чужого», топоры «гниения», «нечистоты» и «заразы» предстают при этом как своеобразные координаты *вневербального* опыта социального (само)опознания. В терминологии Мэри Дуглас, распространившей наблюдения над классифицирующей ролью чистоты на символические механизмы групповой солидаризации, здесь уместно было бы говорить о системе «территориальных» «разметок» (grid) между различными социальными группами [Douglas 1970]. Повторение и переповторение соответствующих контекстуально клишированных словосочетаний направлено на воспроизведение ситуации, которая наделена эффектом не вербальной, а акциональной убедительности. Но именно такова «убедительность» ритуала: поведенческие, проксеимические и, в частности, ольфакторные координаты «очевидного» в этих случаях важнее, чем их рационализуемое – пусть даже и «мифологическое», – обоснование.

ЛИТЕРАТУРА

- Buruma I., Avishai M. Occidentalism: The West in the Eyes of its Enemies. – N.Y., 2004.
- Corbin A. Le miasme et la jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIIIe et XIXe siècles. – Paris: Aubier, 1982.
- Dean C.J. The Fragility of Empathy after the Holocaust. – Ithaca: Cornell University Press, 2004.
- Douglas M. Natural Symbols. Explorations in Cosmology. – London, 1970
- Guldin R. Körpermetaphern. Zum Verhältnis von Medizin und Politik. – Würzburg, 2000;
- Heid L. Was der Jude glaubt, ist einerlei [...] Der Rassenantisemitismus in Deutschland // Die Macht der Bilder. Antisemitische Vorurteile und Mythen. – Wien, 1995.
- Nemtsev M. How did a sexual minorities movement emerge in Post-Soviet Russia. – Saarbrücken: VDM Verlag, 2008.
- Oosterhuis H. The «Jews» of the Antifascist Left: Homosexuality and the Socialist Resistance to Nazism // Journal of Homosexuality. 1995. Vol. 29. № 2/3.
- Starks T. The Body Soviet. Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State. – Madison: University of Wisconsin Press, 2008
- Weiss D. Stalinistischer und nationalsozialistischer Propagandadiskurs im Vergleich: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. – Konstanz; München, 2003.
- Winckler L. Studie zur gesellschaftlichen Funktion faschistischer Sprache. – Frankfurt am Main, 1970.
- XXII годовщина Октябрьской Революции. Доклад тов. В.М. Молотова на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1939 года // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. Ноябрь. № 22.
- Азаренков А. Малая энциклопедия русской военной песни. Пусть ярость благородная. URL:

www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/azar_malenc.php

Ауэрбах Т. Немецко-русский словарь жаргонных слов, кличек и крепких словечек [Под ред. доцента генерал-майора Н.Н. Биязи]. – М.: Военный факультет западных языков, 1943.

Беломоро-Балтийский канал им. Сталина. История строительства [Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина]. – М., 1934.

Бертагаев, Еромоленко, Филин. Против извращений марксизма-ленинизма в ИЯ // Ленинградская правда. 1932. № 3 (3 января).

Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора 1929-1953. – СПб., 2000.

Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры XVIII-XIX вв. – М., 2005. С. 199-213.

Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1(24). С. 16-22.

Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. – СПб., 1995.

Гальперина Е. Пруст // Литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1935. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-3441.htm>.

Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. – М., 1953. Т. 27.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. – СПб., 1889.

Драгилев М.С. Общий кризис капитализма // Большая советская энциклопедия. 3-е издание [Гл. ред. А.М. Прохоров]. Т. 18. – М., 1974. С. 252.

Захарьин Д. Коллективное очищение в России. Антропологические и социально-исторические аспекты // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 135-176.

Комаров В.Л. Памяти великого мыслителя // Вестник Академии наук СССР. 1936. № 3.

Кушкова А. Сор в славянской традиции: на границе «своего» и «чужого» // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. науч. трудов. Вып. 1. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1999. С. 240-272.

Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции [1905] // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1969. Т. 9.

Ленин В.И. Империализм и раскол социализма [1916] // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1969. Т. 30.

Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1969. Т. 27.

Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). – М., 1996.

Литвин А. Без права на мысль. Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. – Казань: Татарское книжное издательство, 1994.

Морозов Д. Партийное руководство пединститута притупило классовое чутье, большевистскую бдительность и проявило гнилой либерализм к протаскиванию контрреволюционной троцкистской пропаганды. (Постановление бюро горкома ВКП(б)) // Северный рабочий. 1932. 3 января.

Николаева М.Ф. Риторика и приемы визуализации образа врага. На материале советского политического плаката // Философский век. Альманах. Вып. 22. Науки о человеке в современном мире. Часть 2 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб., 2002.

Орлова Г. Рождение вредителя: отрицательная политическая сакрализация в Стране Советов. URL: WienerSlawistischerAlmanach.2003.Bd.49.

Острянин Д.Ф. И.И. Мечников и его борьба против идеализма и религии. М., 1952. URL: www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show&name=iimechnikov.

Приговор народа // Успехи физических наук. 1938. Т. XIX. Вып. 2.

Родов С. Самокритика и пролетарская литература // Удар за ударом. Удар второй. Литературный альманах [Под ред. А. Безыменского]. – М.; Л., 1930.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин И.В. Сочинения: В 13 т. – М., 1951. Т. 13.

Тургенев И.С. Сочинения: В 12 т. – М., 1981.

Тютчева А. При дворе двух императоров. – М., 2004.

Харходин О.В. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. – СПб., 2002.

Хрущев Н.С. Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства. Речь на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года // Знамя. 1963. № 4. С. 7.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л., 1983;

Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. М., 1977. URL: www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show&name=religia19.

Яновская С. Предисловие // Вейль Г. О философии математики. – М., 1934.

© Богданов К.А., 2009